

Василий
КАТУНИН

СРОКИЯ

Роман

Харьков
«Право»
2021

УДК 82-312.9
К29

Катунин, Василий.

К29 Орокия : роман. – Харьков : Право, 2021. – 336 с.
ISBN 978-966-998-148-6

Герои романа «Орокия», в основу которого положена реальная история, ставят перед собой уникальную задачу создания собственного государства. Но когда за ее воплощение берутся истинные авантюристы, получается и грустно, и смешно, но неизменно интересно.

УДК 82-312.9

ISBN 978-966-998-148-6

© Василий Катунин, 2021
© Издательство «Право», 2021

ОТ АВТОРА

Далеко не каждый наделен достаточным чувством юмора, чтобы смотреть на вещи сквозь призму терпения и иронии. Не каждый исповедует буддизм, помогающий принять ту точку пространства, в которой он оказался, как лучшую позицию для познания жизни. Сколько существует человечество, столько оно и занимается поиском истины. Но в этом мире, пожалуй, только пчелы не вызывают сомнения в смысле их существования. В остальных аспектах нашего бытия найти смысл порой становится очень трудно, в том числе в вопросе – кто и почему нами управляет. Многие нации не довольны своим правительством, но совсем не многим из их граждан приходила в голову мысль, что, чем без толку пытаться хоть что-то поменять в своем государстве, легче создать новое. К сожалению, никто не знает, как это делается, и далеко не каждому это по карману. Прочтя эту книгу, вы сможете смело приступать к созданию собственной державы, в которой попытаете воплотить самые смелые идеи о справедливом устройстве общества. Получится у вас или нет – неизвестно, но, по крайней мере, вы поймете, что нет в мире более сопротивляющейся среды, чем само это общество, то есть большое количество индивидов, собранных вместе и самозабвенно борющихся за место под солнцем. Об этот факт веками точили зубы не одна сотня царей, султанов, королей и президентов. Почему бы и вам не войти в их компанию. Надо только захотеть.

На самом деле, наряду с пчелами смысл есть в каждой мелочи человеческого бытия. И если исходить из того, что все, окружающее нас, – иллюзия, созданная нашим воображением, то эти мелочи становятся важнее самой Вселенной.

Где-то глубоко внутри каждого из нас сидит будда. Он мирно размышляет в компании героя, трудяги, неудачника, фантазера, труса,

романтика, авантюриста и прочих наших ипостасей. Кто-то из них нахальней, кто-то упорней и настойчивей, кто-то научился командовать остальными, но знайте – будда все время среди них, тихий, незаметный, размышляющий. И терпеливо ждущий возможности стать богом.

Эта книга основана на реальных событиях, произошедших в другом месте, с другими героями и при несколько иных обстоятельствах, поэтому, определяя жанр произведения, я не решаюсь назвать роман фантастическим.

ПРОЛОГ

«Главное — оказаться в нужный момент в нужном месте», — подумал покойник, слушая панихиду по себе.

Остан Крымов. Законы успеха

Чем дальше удаляешься от Земли, тем голубей она становится. Наверное, это происходит оттого, что наша планета населена мечтами. Люди грезят обо всем, всегда и везде, и особенно любят делать это в самых неподходящих местах. Среди них есть такие, где мысль сбавляет скорость до минимальной, и эта неторопливость позволяет порой по-иному взглянуть на мир.

На кладбище, где проходит шаткий мостик, связывающий тот и этот мир, людям думается как нигде светло и высоко. Всем, кроме покойников, конечно. Впрочем, никогда не стоит соглашаться с неподтвержденными фактами.

Живой иллюстрацией последней мысли служил герой этого ясно-го октябрьского утра. Усопший лежал в шикарном лаковом гробу, лоснящимся под лучами нежаркого осеннего солнца. В отполированных латунных ручках изгибались обезображенные отражения присутствующих персон, цветы пахли столярным клеем и вечной памятью. Озабоченные вороны, усыпавшие верхушки пожелтевших кленов, с надеждой посматривали на провожающих, надеясь, что они в преддверии наступающих выходных разойдутся по домам, забыв про усопшего. Между тем по лицу покойника было ясно, что он никуда не торопится, — оно было тихим и безмятежным, как у монумента Неизвестному Человеку с Чистой Совестью. Темно-серый с отливом костюм изумлял четкой строчкой, стоячий воротничок с заломленными концами не имел малейшего намека на бутафорию, темно-малиновая бабочка подчеркивала восковую бледность умиротворенного лица. В декорациях траура просматривались черты человека, любившего широко и красиво жить. Герой дня был настолько со вкусом мертв, что просто просился на рекламный плакат «Мальборо» с надписью Минздрава о еще одной

человеческой слабости, опасной для жизни. Но траурная музыка, разбиваемая на равные куски ударами погнувшихся медных тарелок, возвращала присутствующих к факту, что все текущие вопросы он отложил до следующей жизни.

«Хорошие похороны не терпят импровизации, – подумал покойник. – Им следует посвятить всю жизнь. Лежачего не быют, а терпеливо ждут, пока он встанет. Другое дело смерть. Сколько неразрешимых проблем в истории человечества уже решила эта вздорная старуха!»

Такая простая, а значит хоть в чем-то гениальная мысль, тихо родилась и тут же умерла в голове усопшего, потому что он не имел возможности поделиться ею с присутствующими.

В пятом секторе левого крыла Лукьяновского кладбища города Киева общественность прощалась с маэстро Остапом Крымовым. Усопший лежал с закрытыми глазами, но будто воочию видел окружающую его картину. В пяти метрах на юго-запад – свежий холмик, с трогательной надписью, уместающей все остатки любви, накопленной его хозяином за свою жизнь. С другой стороны – незанятая пока могила, накрытая листом фанеры с меловыми неразборчивыми каракулями. Справа в составе группы представителей враждебной стороны стоял задумчивый Пеленгасов. Слева, в рядах соратников, – поникший Нильский. Рядом с ним притихла бледная Кармен, поддерживаемая под руку хмурым Вавой. У изголовья – батюшка, справляющий панихиду сочным Шалапинским басом. Поодаль нетерпеливо переминались с ноги на ногу кладбищенские рабочие с покрасневшими от вредной работы носами. Как всегда в сторонке присутствовала пара приблудившихся зевак. Вот, пожалуй, и все.

Сан Саныч достал из нагрудного кармана лист бумаги и начал читать текст, написанный чьей-то знакомой рукой, которую легко опознал бы тот, кто знал маэстро Крымова при жизни.

— Мы пришли сюда в этот скорбный час, чтобы попрощаться от имени всего человечества с глыбой комбинаторики, куском мировой культуры, вехой в истории отечественного авантюризма. Пришли, чтобы отдать последний долг усопшему. «Как! – могут воскликнуть некоторые из вас, – мы ему еще и должны?!»

Сан Саныч удивленно посмотрел на Кармен. Получив час назад бумажку с некрологом, он даже не удосужился прочесть текст.

— Нет, господа, – почувствовав недоброе, продолжил Нильский. – Отправляясь налегке в свой последний путь, маэстро Крымов завещал нам любить каждую мелочь, окружающую нас, а не спрашивать, есть ли жизнь в других галактиках. Ее там тоже нет! Он учил не называть

нашу действительность борделем, — Остап Семенович бывал в настоящих борделях и не раз отмечал там идеальный порядок.

Сан Саныч опять запнулся и со злостью посмотрел на безмятежное лицо покойника. Сморщившись, словно в ожидании удара, он продолжил чтение.

— Маэстро учил женщин не следовать дурным советам, а опережать их. Он призывал мужчин не бояться, что женщины ужасны, а надеяться на это.

Нильский часто заморгал.

— Еще учась в медицинском институте, он сделал свое первое научное открытие о том, что дороже здоровья может быть только лечение. Позже он вывел ряд других законов бытия, основным из которых был закон о том, что никакой закон ему не писан.

Сан Саныч, чувствуя на себе вопросительные взгляды окружающих, покрылся испариной.

— Крымов всегда знал, чего хочет народ — он хочет, чтобы его оставили в покое! Словно завещание, звучат бессмертные лозунги маэстро. Обжоры, не ройте себе могилу зубами! Будьте бдительны — кота покупайте в мешке! Не переходите улицу на тот свет!

Нильский беспомощно повел правым глазом. Одно его ухо подергивалось, рука, удерживающая бумажку с речью, затекла от напряжения. Своих слов он не заготовил, и его несло по тексту, написанному Крымовым, как бревно к обрыву водопада.

— Остап Семенович был настоящим лидером, любил находиться в центре внимания, но при жизни с неохотой ходил на похороны, поскольку не любил быть вторым номером. Как назидание потомкам звучат строки, найденные в дневниках мастера:

Слог эпитафий так красив,
что верю — можно мир слепых
спасти, лишь мертвых воскресив,
и вмиг похоронив живых.

В отдалении послышался торопливый цокот женских каблучков. К группе недругов присоединилась Вика в сопровождении водителя.

Нильский облегченно вздохнул и промокнул взоревший лоб платком. Вава, пользуясь полномочиями распорядителя похорон, дал попу знак продолжить панихиду и стал размещать новоприбывших возле гроба.

«Жаль, не дочитал речь, — с досадой подумал Крымов. — Неплохие были мысли. Когда еще выпадет возможность послушать собственный некролог!»

Поп, повинаясь легкому пинку Вавы, оборвал нижнее «до» и взмахнул кадилом. Провожающие в последний путь стали поочередно подходить к гробу. Дольше всех задержалась Вика. Склонив голову набок, подобно хищной птице, она пристально смотрела на Крымова, белое лицо которого с синими кругами вокруг глаз было мертвее праха Тутанхамона. В ее глазах промелькнула тень необъяснимой тревоги. Будто притягиваемая магнитом, она начала медленно наклоняться вперед, но была остановлена решительным движением Вавы. Еще через несколько минут маэстро накрыли крышкой. Музыканты довольно сносно заиграли Шуберта. Рабочие с носами отгребли публику в стороны и засуетились около гроба, подсовывая под его концы выдавшие виды желто-зеленые лямки. Наступил финальный отрезок последнего пути маэстро Остапа Крымова.

После того, как смолк барабанный стук комьев по крышке гроба, Крымов включил фонарик и засек время. Часы показывали три ноль семь.

— Половина дела сделана, — произнес он. — Вроде, можно расслабиться.

Крымов потолкал локтями деревянные стенки своего обиталища.

— Гроб — вещь последней необходимости. Теперь я наглядно понял, что значит откладывать дела в долгий ящик. И чем тут можно заняться?

В черной тишине назойливо тикал механизм наручных часов.

— Эй, люди! — с пафосом заговорил маэстро. — Жалкие и мелочные создания! Вы создали этот мир по своему образу и подобию. И, глядя на ваше стадо, мне хочется воскликнуть: «Какое счастье, что я не был понят при жизни!».

Крымов слегка стукнулся головой о крышку и, неудобно вывернув руку, почесал ушибленное место. Он включил фонарик, посмотрел на часы и отметил, что время под землей течет гораздо быстрее.

— Люди! — негромко позвал он. — Я передумал! Готов слиться с вами в едином порыве братства. Любите жизнь, черт вас возьми! Она прекрасна! Кто не верит, прошу ко мне. В тесноте, да не в обиде.

В гробовой тишине отчетливо слышался нарастающий бой его собственного сердца.

— Спокойно, только спокойно, — произнес Крымов вслух. — Береги воздух и дыши носом. Недруги, возможно, не торопятся расходиться. Стоят над могилой, курят, шуряют и жалеют, что уже никогда не смогут досадить мне. А еще больше им жаль своих денег.

Крымов вспомнил о Чичикове, затем о Гоголе и подумал, что, возможно, на Руси с проблемой доказательства факта собственной смерти люди сталкивались еще в середине девятнадцатого века.

ГЛАВА 1

СКОЛЬКО СТОИТ САН-МАРИНО

В психиатрической больнице я встретил так много чуждого и неприемлемого, что почувствовал себя как дома.

Остап Крымов. Критика Фрейда

В каждом уважающем себя городе наряду с органами власти, прокуратурой и тюрьмой, краеведческим музеем и памятником основателю, есть сумасшедший дом. С одной стороны, это говорит о том, что в каждом городе есть шизофреники и параноики, а с другой – о гуманности государства, выделившего оборудованные места для людей, не встретивших в обществе понимания.

То, что повседневно происходит за белыми стенами и зарешеченными окнами, обычным людям неведомо. И даже великий Зигмунд Фрейд не смог бы предположить, какие события разворачивались вечером второго ноября 1998 года в четырнадцатой психиатрической больнице города Москвы, что на улице Бехтерева.

В палате номер семь, несмотря на отбой, еще не спали. За столом, освещенным свечами, сидели четверо людей и дописывали партию в преферанс. Это были мужчины примерно одного возраста и совершенно различного характера. Лев Адамович Райский – бывший управляющий банком, эрудит и педант. Пал Палыч Басманов – ростовщик и коллекционер оружия. Никита Сергеевич Пампеев – бывший директор Одесского «Привоза». Платон Семенович Волошин – человек неопределенного рода занятий с удостоверением члена союза писателей на имя Остапа Крымова. Расположившись в интервале от сорока двух до пятидесяти шести лет, они выглядели настолько различно, что было непонятно, каким образом природа умудрилась не повториться ни одной чертой в этих четырех особах.

Райский обладал продолговатым бледным лицом, украшенным сверху глянцевою лысиной, грустными глазами Иисуса Христа и пухлым бантиком розовых губ. Покатые плечи, тонкие плети рук, увенчанные хрупкими пальцами, и выпуклый животик в половинку футбольного мяча дополняли портрет мученика.

Прямоугольное кирпичного цвета лицо Басманова имело множество глубоких не выбритых борозд, грубых выпуклостей и разномастных бородавок, что произвольно наталкивало на сходство с пересеченной местностью, наиболее всего подходящей для военных учений. На его колючие глаза агрессивно напозла жесткая щетина, цвета волчьей шерсти. Почти полностью сходя лоб, она плотно обступала раковины ушей и неумолимо напозла на шею, грозясь перейти в подмышки.

Пигмеев имел поросычьего цвета кожу на круглом лице «жековско-го» счетовода, приплюснутые рыжеватые волосы швейцара общественной бани, устало-участливые бледные глаза работника райсобеса. И только опытный людоед смог бы разглядеть под этой личиной человека, доведшего до автоматизма свою способность не пропустить ни одной шары, катящейся мимо.

Внешность Волошина, дышащая уверенностью и внутренним здоровьем, принадлежала к тому типу, которому яростно завидуют мужчины, не обладающие столь ярко выраженными чертами мужественности.

Мерно тикали настенные часы. Пламя свечей отбрасывало колеблющиеся блики на прикрепленное к двери объявление, явно написанное рукой Волошина: «Делиться симптомами категорически запрещено. Это затрудняет диагноз».

Игра близилась к концу, но ситуация за карточным столом не определилась, — силы соперников были равны. Как, впрочем, и за пределами преферанса.

— Может, начнем? — предложил Пампеев, собирая карты после вторых «распасов».

Райский посмотрел на часы и отрицательно мотнул головой.

— Договорились же, — ровно в полночь. Если мы начнем с самого начала нарушать установленные правила, то вообще нечего браться за дело. Платон Семенович, сдавайте, у нас еще есть десять минут.

На этот раз Пал Палычу пришла неплохая пика, и он объявил «восьмерную». Вистующие опять дружно решили играть втемную.

— Лев Адамович, — произнес Пампеев, выходя с бубновой семерки, — напрасно вы прячетесь от жены в сортире. Она давно раскусила этот номер.

— Вот-вот, — прикрывая карты от соперников, поддержал его Басманов. — Баба в голове, что ерш в ботинке. На вашем месте я бы как-то ненароком завел ее на третий этаж к буйным.

— Не поможет, — миролюбиво подключился к теме Волошин. — Брак — это один из столпов, на которых стоит всемирная психиатрия. Мелкими хитростями эту проблему не решить.

— А каковы остальные столпы? — поинтересовался Райский, пропуская Пампеева по черве.

— Деньги, секс, власть, — ответил Волошин. — Плюс все человеческие пороки, мостящие дорогу в ад.

Лев Адамович согласно кивнул головой, окончательно решив, что бубна легла пополам.

— Да, когда-то у меня было все, — вздохнул он. — Изумительный особняк в Ялте, парочка небольших счетов в Швейцарии, любимая женщина. Но потом обо всем этом узнала жена. Сколько раз за последние годы я мечтал взять билет на поезд, уезжающий в никуда, и...

— Не стройте из себя женофоба, Райский, — сказал Басманов. — Первое, что бы вы сделали, обретя свободу, променяли бы ее на очередную пассивную соломенную масти. Вы же за «мохнатую» родину продадите. Ваша теперешняя жена — не Анна Каренина, еще придется с ней повозиться.

— Все мы любим мир одинаково, — произнес Волошин, — а ненавидим по-своему. Я не согласен с недооценкой роли Анны Карениной. Как минимум, она оставила потомкам туфли на платформе.

В это время в кабинете главного врача старинные часы с курантами простонали полночь. Райский тут же отложил карты.

— Ну, теперь, пожалуй, можно и начать. Президиум избирать не будем, но полномочия председателя, господа, я на время узурпирую.

Он отпил глоток остывшего чая и обратился к собранию голосом опытного оратора.

— Настал час, когда мы должны, наконец, принять важное и ответственное решение, которое стоило каждому из нас не одну бессонную ночь. Мы не раз откладывали этот момент, поскольку никак не складывались условия, поставленные нами во время первой встречи. Не будет лишним, если я кратко вернусь к сути дела.

Райский еще раз хлебнул из чашки, набрал полные легкие воздуха и продолжил.

— Мы собрались, чтобы обсудить основные вопросы создания собственного государства и наметить пути решения проблем, с этим связанных. Основную схему мы набросали ранее. Теперь, когда мы имеем деньги, условия и время, пора распределить посты и обязанности в будущей нелегкой работе. Как лицо, выступившее с этой инициативой и которому было поручено окончательная экспертная оценка этого, так сказать, бизнеса, я пройду по основным пунктам.

Волошин довольно потер мочку уха. Никита Сергеевич открыл блокнот и приготовился записывать.

— Итак, напомню, — продолжил Райский, — что для создания государства надо выполнить следующие условия. Во-первых, необходимо наличие некоторого числа людей, объединенных единым этническим происхождением, называющихся гражданами некоего государства и признающих его юрисдикцию над собой и своим имуществом. Во-вторых, эти граждане должны быть объединены в определенную политическую систему, то есть систему осуществления власти с правами и обязанностями по отношению к своему обществу. Иными словами, необходим государственный аппарат и свод законов, регулирующий жизнь общества. В-третьих, надо обладать хоть какой-то территорией для того, чтобы обладать правосубъектностью в системе международного права. Вот и все. Это первый блок вопросов.

Пампеев быстро набросал в блокноте неясные для себя термины.

— После того, как мы решим эти три проблемы, перед нами станут две более сложные задачи — международное признание и вступление в члены Организации Объединенных Наций.

Тут, дорогой читатель, необходимо сделать небольшое отступление. Несмотря на экзотическое место проведения заседания и не менее экзотическую повестку дня, все происходящее касалось абсолютно реальных и серьезных вещей. Таких же настоящих, как дата на календаре и как характеры людей, собравшихся за круглым столом. Существует множество расхожих фраз, типа: «Что наша жизнь — игра!» или «Безумству храбрых поем мы песню», призванных служить связующим звеном между обыденностью и полетом необузданной фантазии. Но на самом деле жизнь не нуждается в подобных мостиках, ибо с упорным рвением создает ситуации, несовместимые с обычной человеческой логикой. Примером тому может служить неожиданное вмешательство автора в данное повествование. Но даже здесь он, при всех, казалось бы, железных предпосылках, далек от роли вершителя судеб, поскольку с течением времени все может измениться. Ибо жизнь — это то, что происходит с нами, пока мы строим планы на будущее. Отправляясь в путь, никогда не можешь знать, куда тебя приведет дорога...

— У меня вопрос, — поднял руку Пампеев.

— Конечно! — радостно встрепенулся Райский. — Первые десять тысяч, с которых мы два года назад решили начать наше предприятие, потрачены не зря. Причем все до последнего цента! Мы имеем на сегодняшний день полное экспертное заключение специалистов. Прошу ваши вопросы, господа.

Никита Сергеевич пролистал свой блокнот.

— Что такое «правосубъектность»? И поясните нам еще раз, зачем требуется вступление в ООН? Все же это станет нам в копеечку. Мне кажется, можно обойтись построением двухсторонних отношения с отдельными государствами.

Райский скользнул по белесым бровям Пампеева ласковым щадящим взглядом.

— Никита Сергеевич, членство в ООН — это доступ к колоссальным финансовым ресурсам Международного валютного фонда, Банка реконструкции и развития, Парижского и Лондонского клубов кредиторов. ООН — это членская карточка в клуб самых избранных и могущественных президентов, монархов и премьеров, это пропуск в тусовку нескольких сот человек, которые являются истинными хозяевами планеты. Это стопроцентный шанс оказаться среди тех немногих, кому выпала честь вершить судьбы народов.

Басманов слегка поморщился и шумно заерзал на шатком стуле с явным намерением перебить Райского.

— Вырастил Данила из мыши кобылу. Райский, извините, но это все — фанфаронство. Вы обещали нам обосновать столь затратный путь, как членство в ООН, с финансовой стороны.

— Пожалуйста, — охотно откликнулся Лев Адамович. — Будучи членом ООН, можно вступить в МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергетике. Далее на занятые под мизерные проценты деньги можно построить хранилище для отработанного ядерного топлива, что будет стоить не более тридцати миллионов долларов.

Райский достал объемную папку с множеством чертежей и расчетов.

— Вот смета и основные параметры. Российский проект, — ничего не надо придумывать. Все, что нужно, — это два гектара территории, бетонный бункер, охрана и главное — отсутствие общественных организаций, «зеленых» и прочей сволочи, мешающей делать бизнес людям нашего размаха. Такое хранилище в состоянии принять тысячу тонн безопасно упакованных ТВЭЛов на пятидесятилетнее хранение. Платят за это не меньше миллиарда долларов живых денег. Как вам подъем?

Пампеев недоверчиво нахмурился и записал в блокнот несколько цифр.

— Даже если разделить ваш прогноз на двенадцать, и то можно нырять. Лев Адамович, это все? Вы что-то говорили ранее о бирже.

Райский удивленно посмотрел на Пампеева.

— Господа, но это уже не касается сути государственного строительства. Просто я прикидывал для вас, что на миллиард долларов

можно сформировать инвестиционный портфель из «голубых фишек» ведущих фондовых бирж мира и получать до тридцати процентов годовых на курсовой разнице, плюс игра в трейдовых фондах. А торговля концессиями! Добыча нефти, торговля участками под алмазные и марганцевые копи... Естественно, речь идет о дутых ресурсах.

— Сколь не говори «халва», во рту слаще не станет, — проворчал Басманов.

— Проект беспроектен, — отрезал Райский. — Не хотите интересных вариантов, пойдем на примитив. Как вы думаете, сколько стоит «раскрученное» государство? Так вот, даю голову на отруб, мы двинем его не меньше, чем за сто лямов. Как вам подъем при вкладе в шесть! На планете полно безголовых толстосумов, мечтающих стать кто президентом, кто принцем, кто шейхом. Но они просто не додумаются до такой изящной комбинации. Зато у них хватит капусты, чтоб докупить еще территории и сотворить из нашей страны этакий второй Монте-Карло... или Сан-Марино.

Глаза Райского искрились, как бенгальские огни в рождественскую ночь. Он пылко простер руку в сторону Басманова и воскликнул.

— Ну, скажите, Пал Палыч, сколько стоит Сан-Марино?!

Волошин встал и протестуя поднял руки.

— Стоп, стоп, стоп! Это не дело, господа. Сейчас мы начнем, обливаясь слюной и кряхтя от удовольствия, заворачиваться в роскошную шкуру убитого медведя. Давайте-ка все по порядку. Лев Адамович, я прошу вас изложить весь план с расчетами экономистов и заключениями юристов.

— Хорошо, — охотно согласился Райский, — но только прошу на время отложить вопросы. Итак, начинать надо с территории. Наши исследования показали, что здесь мы имеем широчайший выбор, — от небольшой скалы размером двести на двести метров стоимостью пятнадцать тысяч долларов в ста километрах от побережья Центральной Америки до острова в десять квадратных километров в Средиземном море, с питьевой водой, инфраструктурой и готовым жильем, за двадцать миллионов. Никита Сергеевич, прошу вас, доложите более подробно.

Пампеев встал и зашуршал стопкой листов.

— Вот, что мне удалось нарыть, господа. Здесь порядка двухсот предложений. Большинство островов, находящихся в частной собственности, расположены в Карибском бассейне и Океании. Как правило, это входящие в состав архипелагов участки суши, имеющие площадь от одного до восьмисот гектаров и стоящие в зависимости

от местоположения от ста тысяч долларов до десяти миллионов. Вот смотрите, – этот остров рядом с Багамами площадью двадцать гектаров стоит всего семьсот пятьдесят тысяч долларов, а вот этот островок в четыре гектара рядом с Таити потянет на все семь лимонов. А вот, – коралловая лагуна близ берегов Туамоту. Конфета, а не остров! Всего каких-то восемь миллионов. Если привязываться к средним параметрам, то для Карибского бассейна характерны размеры до восьмидесяти гектаров со стоимостью от пятисот тысяч долларов до трех миллионов. Как раз то, на что мы и рассчитывали с самого начала.

Райский вмешался с небольшой справкой.

— Дело в том, что представляют интерес только те острова, которые лежат за пределами границ морского шельфа других государств. С другой стороны, отдаленные – не имеют ценности, поскольку эксплуатация их очень дорога.

В дальнем углу палаты послышалась какая-то возня. Обитатель крайней койки слева полз по-пластунски под кроватью, нацеливаясь на утку своего соседа.

— Биберман опять решил устроить утиную охоту, – поморщился Волошин. – Сейчас я его уgomоню.

Он приложил ладонь к губам и шепотом крикнул.

— Ребята, полундра! Егеря!

Биберман, перепрыгнув через спящего соседа, рухнул в свою постель, укрылся с головой одеялом и замер, демонстрируя не больше признаков жизни, чем трехдневный жареный карась.

«Не самая удобная поляна для проведения важного совещания, – подумал Волошин. – Но что поделаешь, если дурдом оказался универсальным местом, решившим проблемы каждого».

В действительности, это было очень близко к истине. Лев Райский, единственной проблемой которого была его жена, здесь, в психушке, медленно, но уверенно продвигался к разводу. Пампеев, скрывающийся от одесских ментов, тоже был в нескольких шагах от «желтого билета». Басманов, которого «заказал» консорциум его должников, зарабатывал здесь версию своей невменяемости. Волошину же пришлось просто присоединиться к компании.

Райский, чья идея объединила их два года назад, предложил это место для встречи, как раз в тот момент, когда все они были готовы войти в предприятие на равных условиях. Они состояли из трех пунктов:

1. Каждый должен был иметь полтора миллиона долларов наличными.